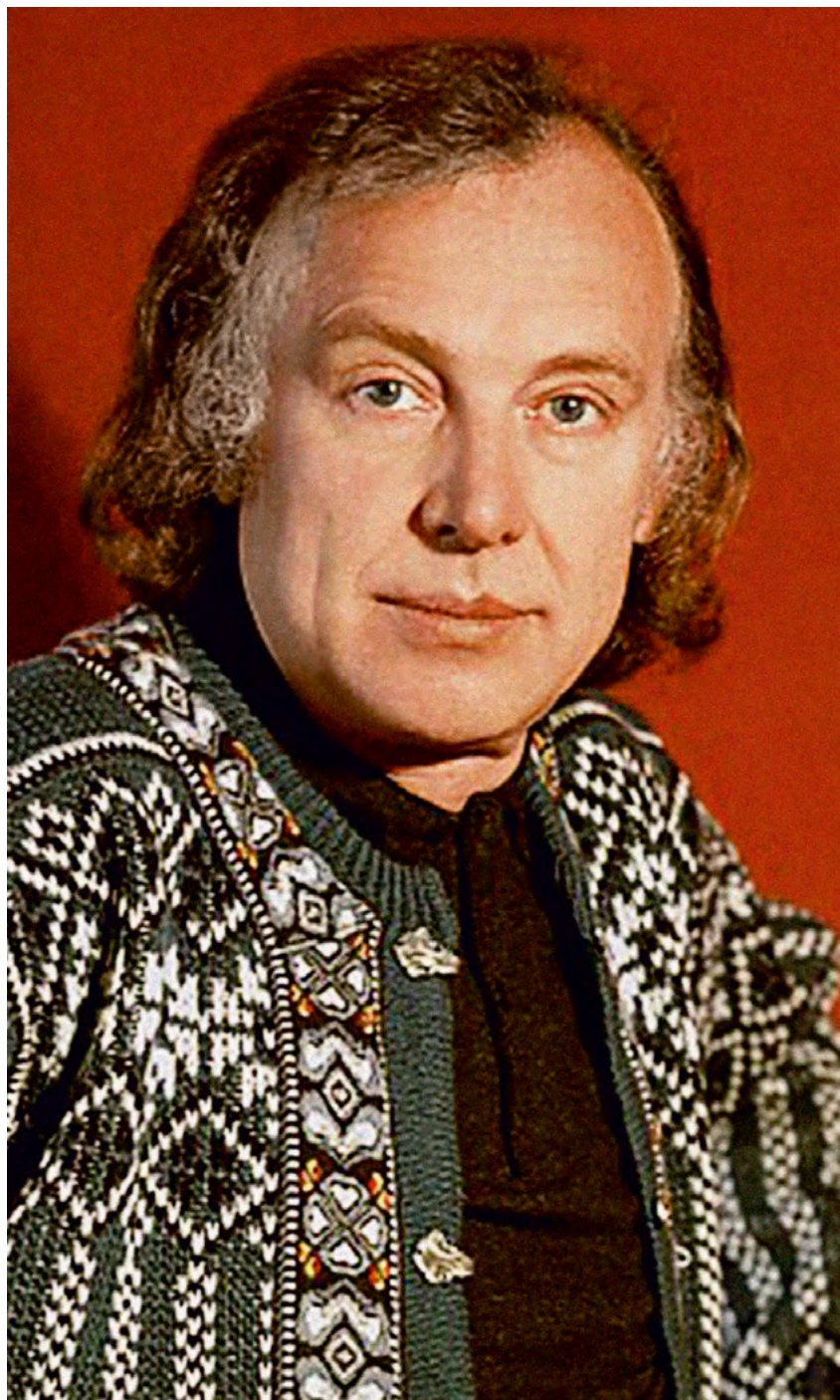

НА ПУТЯХ ВЕРЫ

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

На путях веры

ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

Автор-составитель
А. Горюнова-Борисова

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2019

УДК 244
ББК 86 372
И66

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-911-0445

Иннокентий Смоктуновский / авт.-сост. А. Горюнова-Борисова. — М. :
И66 Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2019. —
120 с. : ил. (На путях веры).

Книга о великом русском актере И. М. Смоктуновском написана по воспоминаниям тех, кто лично знал артиста, дружил и работал с ним: Г. Козинцева, Э. Рязанова, А. Баталова, А. Демидовой, А. Кима, его родственников — дочери и жены. Рассказывая о важных событиях жизни артиста, связанных с детством, войной, работой в театре и кино, автор делится и своими воспоминаниями, старается заглянуть в глубину личности человека, понять, что скрывается за его таким знакомым читателю актерским образом.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2019
© Горюнова-Борисова А.Г., текст, 2019

ISBN 978-5-88017-803-2

Вместо предисловия

Ясные и чистые глаза, тихий шаг, растерянная улыбка, немного прерывистая речь... Царственная поступь, властный взгляд, размашистый жест и непререкаемая интонация... Мечущийся, страстный, не успокаивающийся юноша-принц или «справедливый» советский мошенник, покинутый муж, старающийся не терять самообладания, и до самовлюбленности уверенный в себе герой-любовник. Поразительно, как гармонично все это разнообразие уживалось в одном человеке, имя которому — Иннокентий Михайлович Смоктуновский.

Парнишка из сибирской деревни, прошедший ад войны и фашистского плена, из-за которого стал «неблагонадежным» в СССР, он был одним из самых великих и востребованных советских актеров. Смоктуновский создал образы, которыми восхищались, восхищаются и будут восхищаться многие поколения зрителей.

Он сыграл в кино Моцарта и Сальери, Гамлета и Ленина, Рузвельта и Чайковского, Циолковского и Карла V, Плюшкина и Ивана Грозного и еще несколько десятков ролей, притом, что его незабываемые Илья Куликов в шедевре Михаила Ромма «Девять дней одного года» и Юрий Деточкин в ставшем классикой фильме «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова были вполне достаточными гарантами актерского бессмертия.

А начинал Смоктуновский свою актерскую карьеру в театре. В далекой провинции, куда уехал, спасаясь от преследования властей как побывавший в плену, в Норильском Заполярном театре драмы он сыграл своего первого Моцарта. В дагестанском Русском драматическом театре имени М. Горького — своего первого Хлестакова. Служил Иннокентий Михайлович и в Сталинградском областном театре, после чего перебрался в Москву. Сначала в столице молодого артиста никуда не брали. Как впоследствии вспоминал он сам, странный провинциал, который ходил летом в лыжном костюме, потому что ничего другого просто не было, не производил на руководство московских

театров должного впечатления, пока наконец волею судьбы он не попал в Театр-студию киноактера. Дальше актерская карьера Иннокентия Смоктуновского развивалась стремительно. Кроме работ в кино, он сыграл князя Мышкина в постановке романа «Идиот», созданной Георгием Александровичем Товстоноговым на сцене Большого драматического театра в Ленинграде, царя Федора Иоанновича в Малом театре в Москве, играл в Московском Художественном театре — в пьесах А. П. Чехова «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» (в постановке Олега Ефремова) и десятки других ролей.

В каждой роли Смоктуновский был неповторим, в каждой роли отдавал себя до конца, до самого дна. Приносил себя в жертву. Это была жертва любви к искусству и к тому высшему смыслу, которое искусство может передать.

Иннокентий Михайлович признавался:

«...В глазах круги, руки проделывают какие-то странные “тремоло”, очень хочется сесть, а не можешь — из одного конца грим-уборной державно так вышагиваешь, словно на шарнирах, и наши добрые друзья-костюмеры ухитряются стаскивать прилипшую к тебе мокрую рубаху. И ты, как рыба, выброшенная на лед, немножко подхватываешь воздух и не сразу соображаешь, если тебя о чем-нибудь спрашивают в этот момент. Если зрителю, только что ушедшему со спектакля, показать, что происходит с актерами за сценой, вернее, что остается от них, думаю, это было бы ему не менее интересно, чем фокусы всяких удивительных Кио. Ну да не об этом речь.

<...> За подаренное зрителям время вместе с нервами и силами отдана очень маленькая, но часть человеческой жизни».

Зачем же все это? Смоктуновский отвечает так: «Все чаще прихожу к выводу, что есть, должно быть, особое, до непонятного бескорыстное и оттого, очевидно, вымирающее племя творческого люда на Руси, оно немногочисленно, как говорят в народе: “раз, два и обчелся”, — однако племя это столь могучно, что щедро заряжает время и современников своей одухотворенностью и началом созидания, и, пока мы находимся во власти этого их влияния, мы творчески сильны и богаты»¹.

Об одном из самых ярких представителей творческого племени русских людей, благодаря которым не иссякла одухотворенность и созидательное начало на Руси в удушливый период безбожия и попрания человеческой свободы, — об артисте Иннокентии Смоктуновском — расскажет эта книга.

¹ Смоктуновский И. М. Быть! Ростов н/Д; М., 2010. С. 190–191, 185.

Актер Актерыч

Две личные встречи с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским навсегда врезались в мою память, особенно первая, несмотря на то, что тогда мне было всего девять лет. Мой папа, выпускник актерско-режиссерской мастерской С. А. Герасимова 1964 года, работал тогда в Театре-студии киноактера со своим учителем, как второй режиссер, над постановкой «Красного и черного» Стендаля, впоследствии — известного телесериала. Однажды папа, уступив моим настойчивым просьбам, взял меня на репетицию. Мне очень хотелось увидеть вживую любимую актрису Людмилу Гурченко, исполнявшую в спектакле роль Матильды де ла Моль (в фильме эта роль досталась Наталье Белохвостиковой).

Мы с папой подходили к Театру-студии киноактера заранее. Как метко Смоктуновский охарактеризовал этот дом: «Неуютное нагромождение здания... на улице Воровского»¹.

¹ Смоктуновский И. М. Быть! С. 63.

Позже я узнала, что здание театра было построено в 1931–1935 годах по проекту архитекторов братьев Весниных как клуб Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Здание действительно не манило в себя войти, и мы направились мимо высокой парадной лестницы, в обход, к служебному входу, который был совсем невзрачным. Но, когда переступили порог, все изменилось — мы сразу, мгновенно погрузились в особую атмосферу «внутренней тайны» театра. Не знаю как и почему это произошло, может быть, от предчувствия встречи с чудом искусства?

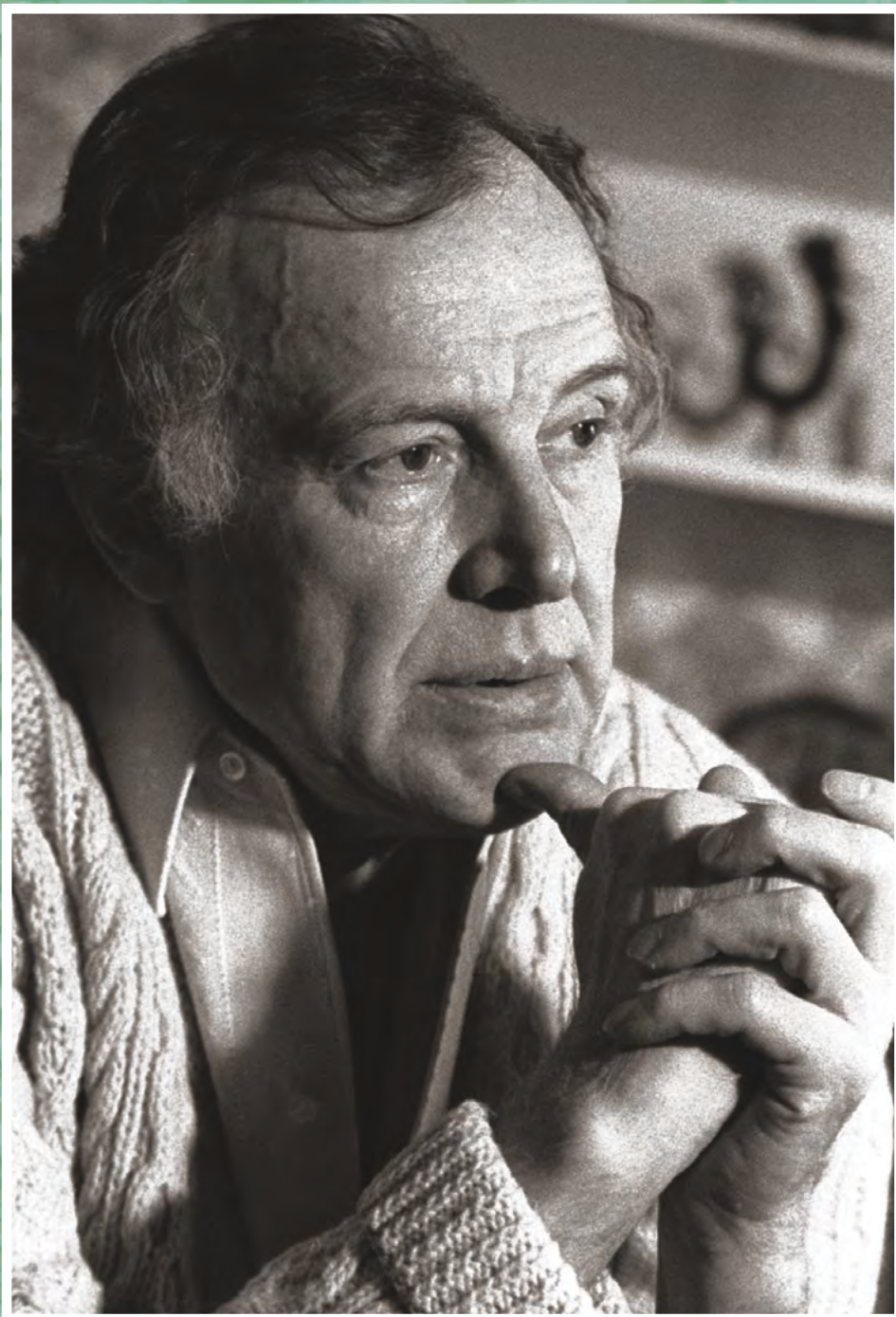
Помню смутно, по-моему, это было фойе с белыми колоннами, и между колоннами вдруг появился он. Смоктуновский шел прямо на нас, широко размахивая руками, одну из которых дружественно протянул папе, вскользь улыбнулся и мне. Сердце мое бешено стучало, готовое вырваться из груди, краска залила лицо. Испытывая стыд оттого, что не могу отвести от него взгляд, я откуда-то издали слышала, как они переговариваются, — Смоктуновский

и мой папа. Оба актеры, они играли и в жизни, получая от общения друг с другом явное удовольствие, но о чем шла речь, я совсем не помню.

Почему же для меня, девятилетней девочки, такой волнующей была встреча со Смоктуновским? Конечно, я уже не раз видела его по телевизору в фильмах «Берегись автомобиля» и «Девять дней одного года», я знала его как звезду советского кино, но впечатление на меня произвело совсем не это. Примерно за год до нашей встречи на экраны вышел фильм «Отроки во Вселенной», продолжение фильма «Москва — Кассиопея». «Отроки во Вселенной» — советская фантастика, ставшая надолго одним из любимейших моих фильмов, который я пересматриваю уже со своими детьми до сего дня. В этом, с моей точки зрения, шедевре режиссера Ричарда Викторовича Иннокентий Михайлович играл И.О.О. — исполняющего особые обязанности, то есть волшебника. И сейчас он стоял передо мной, это воплощенное волшебство, эта ожившая сказка, переносила меня в мир любимого фильма. До сих пор, вспоминая эту встречу, испытываю удивительный трепет и радость о чуде.

Вторая встреча со Смоктуновским не произвела на меня столь сильного впечатления, потому что тогда я была взволнована совсем другим. Зато я смогла всмотреться в него. Мне было 17 лет, я только что окончила школу и опять же вместе с папой пришла на киностудию «Мосфильм». Папу пригласил Ролан Быков на премьеру фильма «Чучело», а папа взял с собой меня.

Надо ли говорить, что фильм произвел на меня ошеломляющее впечатление. Шел 1983 год, ни о какой перестройке и гласности тогда еще и речи не было. И вдруг такая картина — правда о нашей жестокой школьной жизни, о которой никогда никто не говорил не только с киноэкрана, но и просто между собой, — вроде бы так и надо, вроде бы это норма жизни кого-то травить, унижать, бить, ненавидеть. Самые разнообразные истории из собственного детства толпились в голове и душе, этот фильм нужно было переосмыслить, пережить. После просмотра, поздравлений и объятий с Роланом Быковым папа повел меня в буфет что-нибудь перекусить. Тут-то мы и встретились вновь с Иннокентием Михайловичем. Не знаю, как он оказался тогда на «Мосфильме», поскольку тот его период в основном связан с Ленинградом, но они с папой обменялись рукопожатием, и мы уселись за один стол.

Внимательно всматриваясь в Смоктуновского, я замечала некоторую жеманность и вкрадчивость, он не жил, он играл. Папа попал на ту же волну, и они вновь получали удовольствие от взаимного артистического общения. Однако на этот раз — возможно, под впечатлением искреннего до жгучей боли «Чучела» — Иннокентий Михайлович не вызвал у меня симпатии. Он смеялся, прикрывал рот рукой, откидывался на стуле, источал море обаяния, но казался каким-то ненастоящим, неподлинным.

Придя домой и делясь с мамой впечатлениями дня, я рассказала и о встрече со Смоктуновским. «Актер Актерыч», — вынесла она со свойственной ей резкостью в чем-то справедливый приговор. Только повзрослев, я смогла оценить эту способность актеров постоянно репетировать, не выходить из образа, жить своим искусством. И тот обаятельный, красивый, знающий себе цену, но не высокомерный Смоктуновский занял достойное место в галерее ярких портретов, которую хранит моя память.

Такими были две мимолетные встречи с Иннокентием Михайловичем, но они не стали знакомством. Гораздо позже я открыла для себя настоящего, подлинного Смоктуновского, которого невозможно не любить, которым невозможно не восхищаться.

Когда дети мои были маленькими, совершенно случайно — то ли я купила, то ли кто-то подарил — к нам попал CD-диск «Библия для самых маленьких. Читает Иннокентий Смоктуновский». Это оказалась копия записи 1991 года, сделанной еще на виниловых пластинках. Слушая с детьми Библию в его исполнении, я по-новому открывала для себя этого великого артиста. Так читать Главную Книгу мог только верующий человек, о котором мне захотелось узнать что-то большее, чем его фильмографию. Тогда я нашла давно пылившуюся

на полке домашней библиотеки книгу 1979 года «Время добрых надежд». Она стала для меня откровением и открытием.

Подумать только, в те «глухие» семидесятые советский актер писал: «Совсем не загадывалось ничего, не думалось о близком завтра, и поэтому бессмертие, должно быть, о котором ну напрочь не вспоминалось, было рядом, под боком, и при желании его, наверное, можно было бы потрогать, прикоснуться руками, не подозревая, однако, значимости минуты и того, к чему ты только что мог быть причастен. И уж совсем не ведая, что и сам ты становишься частичкой бытия вечного, непреходящего. Дело только за догадливостью, за сообразительностью. Но каждый уже однажды был запущен и пронесился по своей крошечной орбите...»¹

Время и вечность — вот категории, которые волновали Иннокентия Михайловича Смоктуновского, вот о чем он создавал свои роли и писал воспоминания кровью своего живого сердца.

Из той же книги я впервые узнала полную драматизма биографию великого артиста, о котором впоследствии мое представление все расширялось и расширялось.

Духовное наследство

Трудно себе представить, что Иннокентий Михайлович Смоктуновский, всегда — и в творчестве, и в жизни — представавший рафинированным интеллигентом, родился в сибирской деревне Татьянавке, на севере Томской области, в крестьянской семье. У родителей не было никакого образования, они жили своим трудом на земле и имели хорошее хозяйство. Отца звали Михаил Петрович Смоктунович — эту фамилию впоследствии актер изменил, поменяв окончание. Предки отца — выходцы из Беларуси. Иннокентий Михайлович говорил, что его прадед Николай Смактунович (именно так звучала фамилия по-белорусски) служил егерем в Беловежской Пуще и в 1861 году убил зубра. Кто-то донес, и его сослали в Сибирь вместе со всей семьей¹.

¹ См.: Иннокентий Смоктуновский: Жизнь и роли. Док. повесть о жизни артиста, рассказанная им самим, его друзьями и коллегами / авт.-сост. В. Дубровский. М., 2002. С. 7.

¹ Смоктуновский И. М. Время добрых надежд. М.: Искусство, 1979. С. 77.

Предки по линии мамы — Анны Акимовны Махневой — коренные сибиряки. Анна Акимовна была маленькой, хрупкой и тихой, а Михаил Петрович — около двух метров роста, энергичный, шумный. У них было шестеро детей, Иннокентий родился вторым 28 марта 1925 года. Через четыре года, в 1929-м, семья, бросив все, бежала от раскулачивания в город Красноярск. Отец устроился работать грузчиком в порту на реке Енисее, а мама — на колбасный завод. Но в 1932 году начался голод, и семилетнего Кешу отдали на воспитание бездетной тете, сестре отца, Надежде Петровне.

У тети ему жилось хорошо, она была добрая и заботливая, по-настоящему глубоко привязалась к племяннику, любила его. Но все равно в душе мальчика разлука с семьей оставила болезненный след. В одном из интервью Иннокентий Михайлович признался: «Так и жили: я — у тетки, другие дети — с отцом и матерью. И почти сразу начались ссоры матери с теткой. Эти скандалы, помню, меня очень здорово били по душе. Мне было так тяжело! Заступаться за мать — значит обидеть тетку. Заступаться за тетку — значит обидеть мать... Это я все к тому говорю, что вот как оно, воспитание, происходит. Воспитание нервов, души, честной позиции»¹.

Некоторые картины детства, описанные артистом, не только дают понять, как формировался его характер, но и создают яркий портрет времени и общества, в котором он рос:

¹ Семья. 1989. № 19. С. 7.

«Домик наш — флигель на пригорке... К воде спускаться нужно очень осторожно по крутой, неровной тропинке, оступишься — и в крапиву: не смертельно, а больно жуть как. И никакой там не водопад, а река Енисей и собор, огромный, белый собор, в нем еще контору “Сибпушнины” сделали. Летом, после того как вода спадет, можно бегать по полянке в одной рубашке, и никто ничего тебе не скажет, а хочешь — в мелкой, мутной Каче пескарей лови.

Дядя Вася, муж моей тетки Нади, подарил мне свой велосипед. Велосипед большой, хорошо смазанный и очень легкий на ходу, хотя и старый.

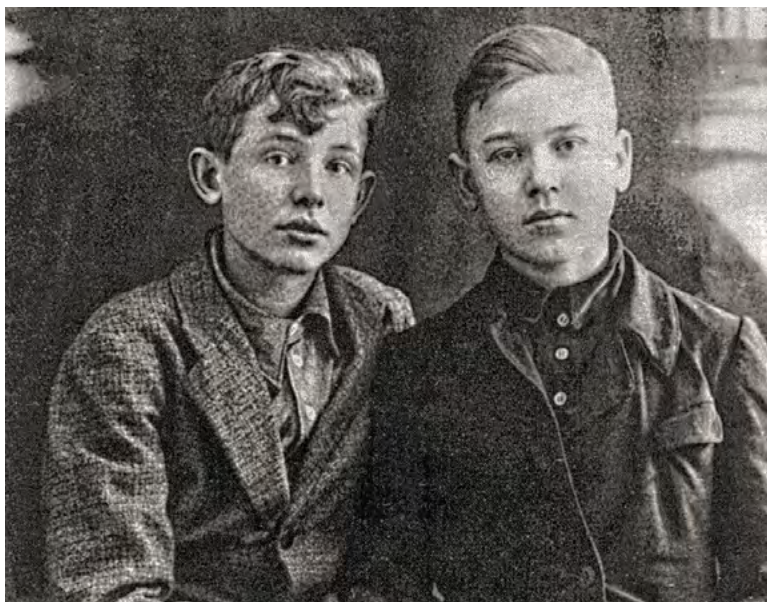
Дядя Вася работал механиком на старом базаре в Красноярске, в церкви с поверженными крестами и с проросшими молодыми тополями на крыше. Он что-то варил автогеном, разбирал и смазывал какие-то моторы и, судя по тому, как был легок подаренный им велосипед, знал во всем этом толк.

Всем был хорош новоявленный друг нашей улицы, кроме одного: он был велик, и приходилось пользоваться им, стоя на педалях, скособочившись и просунув одну ногу с доброй половиной торса под раму. О легкости управления этим великаном в ту давнюю пору детства сейчас, наверное, можно говорить, даже спорить, но тогда — тогда это была радость невероятная. Первое ощущение скорости, управления техническим аппаратом, поглощающим большие расстояния города, как казалось тогда. Предмет такой зависти всей

«О, редкий снимок! Первая моя фотография.
Моя мать — Анна Акимовна. Родные и двоюродные братья
и сестры и я — в центре»

детворы улицы, что и не выговорить. И, пока я выстаивал очередь за хлебом, велосипед угнали. Радость ушла, ее — убили»¹.

«Когда учился в школе, во мне не было ну совершенно ничего такого замечательного, кроме, пожалуй, самостоятельности. Вот самостоятельность мышления, странно, но была у меня и тогда. А может быть, это было упрямство. Помню, как мы решаем на контрольной задачу и учительница объявляет, что в ней три действия. Я решаю в четыре, потому что вижу: иначе никак нельзя. За моей спиной, слышу, ребята перешептываются: им тоже кажется, что в три действия не решить, но раз учительница сказала, значит, все. Но я оказался в тот раз прав. Вообще-то в математике я совсем не был силен. Любил литературу, историю и немного географию»².

В Красноярске существовал настоящий драматический театр, в который Иннокентий впервые попал в подростковом возрасте. Спектакль неизвестный и ничем не выдающийся, но на мальчика он произвел впечатление. Смоктуновский впервые почувствовал причастность к актерскому искусству. «Во мне лицедейство сидело с самого детства, — говорил он впоследствии. — Тут, наверное, сказываются отцовские гены. Он был здоровый, крепкий рыжий мужик. Хорошо сложен. Работал грузчиком в порту, часто выпивал и после

¹ Иннокентий Смоктуновский: Жизнь и роли. С. 9–10.

² Московский комсомолец. 1985. 24 марта.

этого “валял дурака”, как говорили у нас дома, а мать попрекала его: ты как шут... Это был театр на дому»¹.

В шестом классе Кеша стал посещать драматический кружок, первой его ролью оказалась роль Ломова в «Предложении» Чехова. Но на премьере — то ли от испуга, то ли нервы сдали — он почему-то буквально задохнулся от смеха и никак не мог остановиться. Таким образом, премьеру Смоктуновский провалил и был изгнан из самодеятельности. В то же время он открыл для себя Достоевского — кто-то из одноклассников дал почитать «Преступление и наказание». Как впоследствии признавался актер, этот роман во многом определил его творческую жизнь. Он часто уже в зрелые годы возвращался к строкам Достоевского и «плакал точно так же, как когда-то в далеком детстве под высоким небом Сибири»².

Оглядываясь назад, Смоктуновский искал себя и истоки своей духовности там, в далеком и часто небезоблачном, но таком прекрасном детстве: «У каждого человека есть поляна детства. Огромная, красивая. Она дает ощущение общности. На ней ведь невозможно затеряться. Человек — маленький, а на поляне он сам по себе, он ощущает себя. У нас под Красноярском, где я жил в детстве, была такая поляна загадочная, с голосами неведомых птиц, с извилистой рекой, по вечерам там кричали лягушки. С одной стороны поляны — огромная гора, на которой было кладбище, с другой стороны — такая же гора, на которой стоял белоснежный прекрасный храм... И если есть истоки, корни духовности, — они у меня все там, на моей детской поляне»³.

В последнем своем интервью, которое вошло в документальный фильм «Воспоминания в саду», Иннокентий Михайлович рассказал удивительную, исповедальную историю из своего детства: «Я чувствовал, что меня ведет какая-то Сила, я был кем-то охраняем. Не исключено, что я был охраняем Господом моим Богом. Даже тогда, совершенно не зная Библии, Нового Завета, я знал, что есть Бог. Потому что мои родители — верующие люди, тетка моя Надежда Петровна веровала в Бога. У нас в доме висели иконы, на религиозные праздники зажигали лампаду. Однажды тетка Надежда Петровна дала мне 30 рублей. Тогда мне было лет четырнадцать, не больше. Это были красные большие, как простыни, советские деньги. Тетя поручила мне отнести эти деньги в церковь, на ремонт храма и на свечи. В ту пору я получал от этой же тетки Нади и от ее мужа дяди Васи, может быть, рубль, не больше,

¹ Иннокентий Смоктуновский: Жизнь и роли. С. 11.

² Смоктуновский И. М. Время добрых надежд. С. 131.

³ Иннокентий Смоктуновский: Жизнь и роли. С. 13.

за весь месяц. И представляете, как работает мысль мальчика, которому в руки вдруг попадает такое огромное состояние, достаточное, чтобы можно было мороженое есть с утра до вечера целый месяц. Я сжал эти деньги и страшно боролся с собой — идти отдать эти деньги в храм или не отдавать. И решил где-то в подсознании, где-то окраинами сознания: нет, не отдам, ни за что. Буду счастливым человеком, богатым. И сам не заметил, как с такими мыслями я оказался с зажатыми в кулаке этими 30 рублями около церкви. Смотрю на себя будто со стороны, я уже вхожу в церковь, потом страшно нехотя, весь перепуганный, разжимаю кулак и отдаю эти деньги какой-то тетеньке со словами: “Пожалуйста, возьмите, это на ремонт храма”. Помню, что состояние у меня было какое-то ужасно нервное. Она взяла и сказала “спасибо”, и больше ничего не произошло. В церкви было совсем мало народа, она была почти пуста, но пахло ладаном, горели свечи. И вдруг я почувствовал удивительное освобождение, мне стало так хорошо, я почувствовал, что исполнил какой-то огромный долг, 14-летний маленький человечек осознал это. И потом, когда я узнал, что, оказывается, за 30 сребреников Иуда предал Христа, мои 30 рублей, если бы я их не отдал, я почти убежден, что не остался бы живым на фронте. Такое у меня ощущение. Потом по фронту меня вела Сила, Которая верила в меня, наверное, так»¹.

Аз войны

Иннокентий Михайлович Смоктуновский не любил говорить о войне, как и большинство тех, кто прошел этот ад. Все его рассказы об этом периоде — это преодоление самого себя, нежелание возвращаться, мучительное воплощение в слове ужаса воспоминаний.

Долговязым рыжим мальчишкой — сутулый, нескладный, все лицо в веснушках — попал Смоктуновский на фронт. Тогда ему едва исполнилось 18 лет.

Он только-только сделал свои первые шаги на сцене Красноярского театра в эпизодической роли и оттуда был призван в армию. После полугодового обучения в пехотном училище в августе 1943-го Иннокентий Смоктуновский попал в самое пекло боев — на Курскую дугу.

В 1990 году в интервью корреспонденту газеты «Московская правда» Иннокентий Михайлович рассказал о первом своем опыте участия в боях, после которого восемь-девять

¹ Из документального фильма «Воспоминания в саду», режиссер В. М. Токарева. Ч. 1.